

"Давай, давай, давай!" Пробормотала Рин, прижимая к плечу Зига всю исцеляющую магию, на которую была способна.

"Больше ничего нельзя сделать", - безжизненно настаивала женщина-гомункул. "Даже при самых низких настройках молния Франкенштейна достаточно мощна, чтобы уничтожить големов. И даже если бы был какой-то шанс, что он выжил после этого, удар ее Благородного Призрака свел бы вероятность его выживания к нулю".

Франкенштейн, да? Она должна была признать, что не ожидала, что архетипичный монстр из фильма ужасов появится в Войне за Святой Грааль, но, учитывая, что Дракула уже вдохновил ее на поле боя, она не могла быть слишком удивлена. Тем не менее...

Она выудила из кармана драгоценный камень и влила всю его прану в своего товарища по команде. "Я заменила сердце, уничтоженное долбаным Ге Болгом. Если вы думаете, что я не смогу исправить небольшой урон от статического электричества, которое даже не было направлено на него, то вас ждет чертовски приятный сюрприз!"

Ее волшебство сделало свое дело. Медленно, но верно почерневшая плоть вокруг плеча Зига медленно светилась нежно-голубым. Мало-помалу разрушенная плоть снова приобрела здоровый бледный оттенок. Что ж, для любого другого это все равно было бы вредно для здоровья, но для Зига это было нормально.

Мгновение спустя его алые глаза открылись, с его губ сорвался тихий стон. "Что... что случилось?"

Глаза женщины-гомункула расширились. "Он... жив".

Рин вздохнула. "Что я могу сказать? Я хороша в том, что делаю". Она шлепнула Зига по голове. "И ты! Никогда больше не делай ничего подобного глупости!"

Зиг вздрогнул, потирая затылок. "Оттолкнуть тебя с пути смертельной атаки?"

Больше всего ее разозлило отсутствие сарказма в его голосе.

"Просто ... трансформируйся, прежде чем делать это в следующий раз, хорошо", - настаивала Рин. "Если бы у тебя не было сердца дракона, мне потребовалось бы все, что у меня осталось, чтобы исправить тебя. Я не сделан из драгоценностей. На самом деле у меня их осталось не так уж много."

Разве это не было тревожной реальностью. Ей пришлось использовать четыре драгоценности, чтобы сохранить их всех в живых против Мордред и Франкенштейна, а они даже не были главной целью ни того, ни другого в половине случаев. Учтите два, которые она дала Широ для усиления его трансформации, и в этом бою у нее осталось девять.

Она посмотрела на поле боя. Франкенштейн исчез. Черный всадник, пошатываясь, выбирался из кратера, в который его втоптали. Красный лучник сражался с какой-то неистовой горой плоти в маске gimp. И, возможно, самое главное, Сэйбер прибыла и вступила в бой с Мордредом, их клинки рассекали воздух золотыми и малиновыми вспышками. Рыцарь Предательства перешел в атаку, но Рин уже видела, как Артурия сражалась с Гераклом. Возможно, ее сын и отдавал ей все силы в битве, но Король Рыцарей был бы в полном порядке, особенно если то, что ей рассказали по их gem link, было правдой. Она оставила бы семейные дела в умелых руках своей подруги.

Но если Сэйбер сражалась со своим сыном, где были бойцы, которыми они были заняты раньше—

"Привет всем".

Редко Рин была так напугана таким вежливым приветствием. Она обернулась на тихий голос, размахивая тремя драгоценными камнями в каждой руке, за все хорошее, что они ей могли сделать.

Зигфрид просто поднял руку в знак мира. "У меня нет намерения причинять тебе вред, Рин Тосака. Красная всадница все еще жива, и я бы тоже не стал препятствовать Королю Рыцарей, пока она сталкивается с Красной Саблей".

Рин приподняла бровь. "Ты Героический Дух сильнейшего класса. Ты ожидаешь, что я поверю, что ты не можешь взять меня в плен, не убив?"

"Верно", - признал Зигфрид, его глаза метнулись к Зигу. "Но я бы не стал предпринимать ничего подобного, пока передо мной все еще была достаточная угроза".

Глаза Зига расширились, его багровый взгляд упал на черные командные печати. "Ты имеешь в виду?"

"Мой учитель наблюдал за трансформацией Широ Эмии", - показал Черный меч. "Учитывая ваши похожие печати, было нетрудно определить ваши способности. Или каким слугой вы станете. Признаюсь, мне любопытно посмотреть, как я справлюсь со своим собственным клинком".

"Твоя собственная ... трансформация... подожди одну минуту!" Черный всадник внезапно завизжал, мгновенно избавляясь от ран, полученных им от Мордред, и бросился к группе, хотя, как только он прибыл, он оперся на свое копьё. Он обвиняюще указал пальцем на Зига. "Ты можешь превращаться в Слугу?!"

Молодой гомункул побледнел. "Гм, да".

"О, чувак! И ты не превратился в меня?!"

Он сложил руки на груди и надулся.

Рин вздохнула, ее рука поднялась, чтобы ударить себя по лицу. "Правда? Это то, на чем ты сосредоточена?"

"Я имею в виду, я вытащил тебя из замка. Конечно, он отдал тебе свое сердце, но я тоже приложил к этому усилия. Я должен быть достойным того, чтобы в меня превратились!" Астольфо продолжил. Хотя мгновение спустя его умоляющее выражение исчезло, и он постучал пальцем по подбородку. "Хотя, теперь, когда я думаю об этом, Сэйбер в значительной степени превосходит меня в... ну, во всех отношениях. О, за исключением количества Благородных фантазмов, я просто потрясающий в этом".

"Не недооценивай себя, Райдер", - вмешался Зигфрид. "Именно твоя храбрость и благородство вдохновили меня на то, чтобы вообще действовать".

"Он прав. Единственная причина, по которой я могу превратиться в сэра Зигфрида, заключается в том, что у меня его сердце", - объяснил Зиг. "Если бы я мог, для меня было бы

честью принять твой облик".

"О, вы двое такие милые", - застенчиво сказал Астольфо, отмахиваясь от них с покрасневшими щеками. "Но если серьезно, у Сэйбер характеристики лучше, чем у меня по всем параметрам. Кроме сопротивления магии, но когда это будет ... иметь значение... Учитель, не надо!"

Райдер внезапно упал на колени, но у Рин возникло ощущение, что это не от боли. Мягкое красное свечение разлилось по телу паладина, его мышцы корчились в агонии, когда невероятно мощная магия просочилась в само его существо.

"Нет! Учитель, я не буду!" Астольфо закричал. "Пожалуйста, учитель, не заставляй меня—ах!"

"Всадник!" Зиг позвал, и только его родственница женского пола удержала его от того, чтобы броситься к Слуге. Зигфрид не был так обременен и опустился на колени рядом с агонизирующим паладином.

Рин оттащила Зига и женщину-гомункула прочь. Она поняла, через что прошла Черная Всадница, когда Сэйбер воспротивилась ее приказу уничтожить оскверненный грааль. И точно так же, как и тогда, независимо от того, насколько велико сопротивление магии Героического Духа, он не устоит против множества Командных Печатей.

"Астольфо, что случилось?" Зигфрид умолял.

"Мастер... ей действительно не нравится... аргх!"

"Что происходит?" Спросил Зиг.

"Командные печати", - объяснил Рин. "Его адский кот мастер использует командные печати, чтобы заставить его убить тебя".

Астольфо кричал так, как будто его конечности отрывали по одному нервному окончанию за раз. Зигфрид нахмурился, явно недовольный тем, что не может помочь своему товарищу, но он поднялся на ноги, призывая Балмунга в свои руки.

Рин нахмурилась. Если бы она призвала Сэйбер, это только втянуло бы Мордред в эту неразбериху и подвергло бы их еще большей опасности. Широ не отвечал на ее приветствия по их gem link, хотя она все еще чувствовала, как часть ее праны переходит к нему. Хотя, учитывая, что Красный Лучник все еще был жив, у нее не было возможности узнать, был ли он в достаточно хорошей форме, чтобы прийти им на помощь. И поскольку Зигфрид не мог их отпустить, независимо от того, насколько сильно он к ним относился, а Астольфо был под по меньшей мере двумя Командными печатями... она должна была добраться до замка.

"Иди".

Глаза мага расширились и метнулись к Зигу, который уже вытаскивал свой меч.

"Я твой товарищ, верно?" сказал он. "Тогда мой долг - сделать все необходимое для нашего общего дела".

"Ты никак не сможешь победить их", - указала Рин.

"Я смогу, если ты освободишь моих сородичей", - возразил Зиг. "Нарушь их снабжение магической энергией, и у меня, возможно, появится шанс. Я не намерен так скоро терять свою

новую жизнь. Итак, с помощью моей Командной печати я приказываю этому телу, Небесной эволюции!"

Произошла вспышка бирюзового света, и точно так же, как Широ был заменен Арчером, теперь перед Рин появился другой Зигфрид, его фальшивый Балмунг, готовый противостоять настоящему.

"Аааааа— о, посмотри на это, он действительно очень похож на тебя", - заметил Астольфо, прежде чем его мучительные крики возобновились.

Черный меч улыбнулся. "Ты выбрал имя Зиг, не так ли, малыш? Я не сомневаюсь, что ты будешь гордиться этим именем".

Зиг кивнул и оглянулся на Рин. "Идите, мадам Тосака. Я задержу их".

"Ты можешь сразиться с ними?" Обеспокоенно спросила Рин. "Они спасли тебя. Ты действительно можешь заставить себя убить их?"

Зиг съежился, выражение, которое выглядело довольно неловким на точеном лице Зигфрида. "Честно говоря, я не ожидал, что представится такая возможность".

Рин посмотрел на своих противников. С Астольфо не составило бы особых проблем в одиночку, но Зигфрид буквально обладал всеми теми же способностями, что и юный гомункулус, за исключением того, что у него был жизненный опыт, позволяющий научиться их использовать. Он никак не мог победить его.

"Не умирай", - приказала она ему, уже поворачиваясь, чтобы убежать. "Я не буду иметь дело с Рулер, если она решит, что мы принудили тебя к этому".

Зиг попытался ухмыльнуться ей в ответ, но был вынужден поднять клинок, чтобы отразить удар копья. Командные печати Селенике окончательно сломили волю Астольфо, сразу после чего появился Зигфрид. Рин и женщина-гомункул воспользовались возможностью сбежать с поля боя, пересекая последний участок поля между ними и Цитаделью Тысячелетий.

Она стиснула зубы. Она была не из тех, кто посылает своих союзников на смерть, если может избежать этого. Но если не было другого выхода, она убила бы одного товарища, чтобы спасти остальных.

Кроме того, хотя она и не думала, что Зиг долго продержится против своих бывших спасителей, у него все еще был шанс, если бы она могла его ему дать. В конце концов, у Горда никак не могло быть магических цепей, необходимых для приведения в действие Сабли без посторонней помощи. Так что ей просто нужно было сделать то, что они намеревались сделать в первую очередь. Освободите гомункулов.

Это была ее работа. Если она могла это делать, другие могли справиться со своими.

ФАТАЛЬНАЯ СУДЬБА

После всего того времени, которое Артурия провела, думая о Мордредке во время этой Великой войны за Святой Грааль, стоять перед ней казалось почти сюрреалистичным. В последний раз, когда она была там, в Бухаресте, их обоих быстро увел адский мир Assassin of Black. Даже сейчас она ждала, что упадет второй ботинок и вмешается что-то еще, чтобы отобрать одного из них у другого. До Джека Потрошителя она бы даже надеялась на это.

Но не сейчас. Она больше не могла убегать от своего прошлого. Ее неудача была ее ответственностью. Нельзя было допустить, чтобы больше никому причинили вред из-за того, во что она превратила Мордреда.

И вот, они подрались. Они сражались так же, как и много раз до этого, начиная с дружеских поединков на тренировочных площадках Камелота и заканчивая их финальным смертельным столкновением на равнинах Камланна, когда клинки вонзались друг другу в горло. Сговор необузданных сил уничтожил холмы Трифаса, один закаленный и отточенный, другой дикий и необузданный, земля была разорвана на части под их ногами.

Сражаться с Мордредом всегда было необычно. Другие рыцари Камелота были натренированы и уравновешены, некоторые из величайших мастеров боя, которых когда-либо знал мир, с Артурией и Ланселотом, главными среди них. Единственная из ее слуг Рыцарь Предательства не входила в число этих элитных званий мастерства. Однако она была наделена огромным талантом и природным инстинктом боя, с которым Король Рыцарей мог соперничать только тогда, когда она сражалась с Величайшим Героем Греции в Фуюки.

Сравнение с Гераклесом было более чем уместным, как будто у Мордред не было его укоренившейся техники, она легко соответствовала его ярости, Кларент летал скорее со слепой яростью берсерка, чем с утонченным мастерством владения мечом, которое можно было бы ожидать от сабли. И все же каждый из ее страстных ударов находил брешь в защите Артурии, заставляя ее сдерживать собственные атаки, чтобы направить Экскалибур на путь ее ребенка. Она не знала, был ли это ее вышеупомянутый боевой инстинкт или она просто запомнила боевой стиль Короля Рыцарей, но это делало ее гораздо более сложной в бою, чем более традиционного Слугу Безумия. Не зря мятежный воин смог разоружить ее в Камланне.

Конечно, теперь у нее было одно очень большое преимущество, которым она не обладала в своей последней битве. То, что оставило Мордреда несколько подавленным как угрозу.

Багровая молния сорвалась с клинка Кларента и полетела в сторону Артурии, обращая все на своем пути в пепел, но лишь для того, чтобы безвредно разбиться о сияющую сталь Экскалибура. У бури даже не было времени рассеяться, прежде чем Мордред атаковала своей собственной атакой, обрушив беспощадный поток ударов на своего бывшего повелителя. Давление воздуха от каждого куска вырезало равнину под двумя воинами, повсюду летели комья грязи.

Несмотря на все это, Артурия сохраняла самообладание. Она не могла его потерять. Не для той задачи, которую ей предстояло выполнить. Рин и Широ рассчитывали на нее. Она не могла бездельничать в этой битве.

И все же она обнаружила, что не может заставить себя перейти в наступление.

"Твои навыки ухудшились, Король рыцарей? Ты не должен быть таким беспомощным только против моей разминки!" Мордред бросила вызов, алый свет, потрескивающий на ее рогатом шлеме, придавал ей поистине дьявольский облик. "Где престижная сила, которая построила Камелот? Где твой благородный дух?"

Усмешка вырвалась из ее шлема. "Или ты считаешь меня настолько низкой, что можешь противостоять мне без всей своей силы? Ты оскорбляешь меня, отец!"

Артурия вздохнула. С какими бы другими эмоциональными потрясениями она ни столкнулась, увидев своего сына снова, она, безусловно, не упустила случая похвастаться. Действительно, как будто она могла сражаться с Мордредом, не используя всю свою силу. Если бы она

столкнулась с Рыцарем Предательства, когда ее способности были уменьшены из-за того, что Широ был ее мастером, она бы боролась просто за то, чтобы остаться в живых.

Теперь бой был простым делом. Управлять своим разумом, своим сердцем и придумывать, что сказать, если вообще что-нибудь, было не так.

Тьфу! Что она вообще делала? Почему она колебалась? Прежде всего, она была слугой. Какими бы ни были их личные отношения, Мордред был ее врагом. Если бы она начала говорить, она бы заговорила, но она не могла сосредоточиться на этом, исключая свой долг!

Клинок Мордреда опустился для очередного удара, но Экскалибур ударил его лоб в лоб, прежде чем тот смог встать между двумя рыцарями. Артурия шагнула вперед, ее меч медленно пронесся мимо Кларента, когда ветер сгустился вокруг края. Сталь не могла достать до лица ее сына, поскольку Сияющий Королевский меч блокировал нижнюю половину ее оружия, но остальной ее арсенал был не так ограничен. Не случайно, что энергия ее противника внезапно стала намного более сосредоточенной в тот момент, когда она начала маневр.

"В воздух!"

"Красный гром!"

Оба легендарных меча извергли мощь, ураганный ветер и оглушительный алый шторм пронесли мимо друг друга в противоположных направлениях, воздух взорвался от их мощи.

Мордред отлетела назад, кувыркаясь в небе, пока не выпрямилась и не приземлилась на ноги. Она скользила по грязи, пока ее инерция окончательно не истратилась, в земле Румынии образовалась новая траншея. Рыцарь Предательства тяжело дышала, поднимая голову, чтобы восстановить вид на поле боя.

Только для того, чтобы немедленно отпрыгнуть назад, когда Экскалибур пронзил то место, где мгновение назад был ее череп. Тем не менее, лезвие священного меча прошло слишком близко.

Артурия наблюдала, как рогатый шлем треснул по центру, разделившись на две аккуратные половинки, которые упали на землю. Наконец-то показалось лицо Мордреда, потрясенной поступком своего отца.

"Ты прорвался насквозь? Как ..." вопрос замер у нее на губах, ее рот скривился в нетерпеливой усмешке. "Конечно, ты это сделал. Приди, Король рыцарей! Теперь, когда ты восстановил свой хребет, мне доставит огромное удовольствие сломать его о колено!"

"Ты можешь попробовать", - пробормотал Артурия, не подумав.

Мордред приподнял бровь. "О? Ты все еще так плохо думаешь обо мне, отец? Ты веришь, что простое порождение ведьмы не представляет для тебя угрозы? Не забывай, мой клинок уже пробовал твою кровь раньше".

"Я хорошо осознаю свою собственную смерть, Мордред", - упрекнула ее Артурия, решив быть милосердной и не упоминать, что Рыцарь Предательства убил ее только потому, что был возрожден проклятием Морганы. И даже тогда, только потому, что Артурия был тяжело ранен после оставшейся части битвы. "Пожалуйста, сын мой, можем ли мы прекратить этот детский лепет и просто сражаться".

"Ты называешь меня инфантильной! Ты называешь меня—" Глаза Мордред расширились, вся агрессия испарилась с ее лица. "Ты ... ты называешь меня своим сыном? Твоим наследником?"

"Просто мой сын", - пояснила Артурия. "Ты всегда был моим сыном, и за то, что не прояснил это при жизни, приношу тебе свои извинения".

"Я... ты думал обо мне... как о своем..." Мордред запнулся. Она покачала головой, выглядя почти как сбитый с толку котенок, пытающийся стряхнуть веревочку. На самом деле это было довольно очаровательно. "Но тогда почему ты так презирал меня при жизни?"

Артурия подняла бровь. "Я уже говорила тебе. Я не ненавижу тебя и никогда не ненавидела".

"Пока ты протыкал меня копьем!"

Король рыцарей пожал плечами. "Я был королем. Вы восстали. Это был вопрос долга, а не личных чувств".

"Тогда ... тогда почему... почему ты сказал, что у меня нет способностей быть королем?"

"Потому что ты этого не сделал".

"Как?!"

"Твоей реакцией на то, что дело пошло не совсем так, как ты хотел, дело, в котором ты ничего не потерял, было развязывание гражданской войны, в результате которой погибли тысячи людей и разрушено королевство", - отметил Артурия. "Ты дерзкий, импульсивный и управляемый гневом. Я вряд ли был идеальным королем, но я—"

"Но ты что?!" - взревела Мордред, ее ярость вновь разгорелась. "Я полностью осознаю тень, которую ты отбрасываешь. Я жила в ней годами, не жалуясь. И теперь ... и теперь ты отворачиваешься только для того, чтобы оскорбить меня!"

Именно в этот момент Артурия поняла, что она все еще не лучшая в том, чтобы справляться с эмоциями или выражать их. Конечно, она не вступала в эту драку, ожидая примирения. Она надеялась, что время, проведенное вдаль от нее и со своим новым хозяином, принесет Мордреду покой, вернет искреннюю улыбку, которая была на ее лице в тот день, когда она открыла свою личность своему королю. Возможно, так бы и было, она бы никогда не узнала.

Но что она знала, так это то, что вся надежда на то, что это произойдет, была потеряна в тот момент, когда она узнала, что Артурия участвовала в Великой войне за Святой Грааль. Без нее, без "Короля рыцарей", Мордред была бы свободна быть легковозбудимым, но исполненным благих намерений рыцарем, каким она была, когда впервые приехала в Камелот. Но с ней, с одним лишь осознанием того, что она лишена родительской близости...

Она поняла это, когда столкнулась лицом к лицу с Assassin of Black, глядя на горы трупов, созданных призраками, детьми. Дети, которых превратил в монстров мир, в котором они даже не родились. Точно так же, как она превратила Мордреда в Рыцаря Предательства, даже не осознавая этого.

Но как бы они ни были созданы, оба представляли угрозу для невинных. Она остановила Джека Потрошителя, потому что мир не мог. Она не могла прятаться от Мордреда и молиться о чуде. Он был ее отцом. Она прокляла ее. Она должна была, по крайней мере, взять на себя ответственность за свой провал и убедиться, что никто больше не пострадал от его

последствий.

И все же... это было глупо, но она надеялась... она молилась, чтобы времени вдали от нее было достаточно. Она должна была знать.

"Мордред", - тихо произнесла она. "Почему тебя призвали? Какое желание ты бы попросил у Святого Грааля?"

Прошлый опыт хорошо научил ее, что самый быстрый способ выяснить характер Героического Духа или, по крайней мере, его намерения - это узнать его желание заполучить Грааль, причину, по которой он вернулся в мир живых. Отсутствие интереса Ку Чулейн ясно дал понять, что его жажда битвы действительно была его мотивом. Желание Искандара перевоплотиться вместо того, чтобы завоевывать мир с помощью чаши, показало, что, каким бы опасным тираном он ни был, он был достаточно надежен, чтобы работать с ним, если возникнет большая угроза. Одна из вещей, которая так беспокоила ЭМИЮ до того, как она узнала его истинную личность, заключалась в том, что его нельзя было понять с помощью этого метода, поскольку отсутствие у него желания не объяснялось никакими его внешними действиями.

Но Мордред, кем бы она ни была, не ценила ту же хитрость, что и Контр-Страж. Ее желание или его отсутствие раскрыло бы то, что лежало в ее сердце.

Она знала, что это была глупая надежда, но Артурия молилась, чтобы это была искренняя улыбка.

ФАТАЛЬНАЯ СУДЬБА

Ее желание? Ее желание?! Все это время, весь этот беспорядочный бег, и она хотела узнать свое желание?

Это было почти забавно. На мгновение... на мгновение ей показалось, что мир перевернулся с ног на голову. Или, может быть, что он долгое время был перевернут с ног на голову и только сейчас восстановился. Когда она услышала эти слова, это признание, о котором она мечтала столько лет...

Но это была ложь. Отец издевался над ней, оскорблял ее. Извергал такую нелепость без всякой заботы или смысла и утверждал, что это был нектар, о котором она мечтала с того дня, как узнала о своем наследии.

И самое печальное было то, что она почти поверила ей. Даже с разъяснением, что она была признана только как сын, а не как наследница, ее сердце воспарило, этот похороненный фрагмент, который она поклялась никогда не признавать, трепещет от абсолютной эйфории. Но затем появилась ложь, чудовищная ложь, которая совершенно ясно показала, что ни одно слово из уст ее бывшего повелителя не содержало ни грамма правды.

Что она не была идеальным королем. Глупо! Такой обман был ниже достоинства Короля Рыцарей!

Но если она хотела узнать свое желание, кто она такая, чтобы скрывать свое неизбежное вознесение?

"Мое желание получить Грааль - заявить о своем праве первородства", - заявил Мордред. "Я воспользуюсь чашей, чтобы добраться до Меча Выбора до того, как Маг Цветов приведет тебя

к камню. И тогда я достану клинок и взойду на трон!"

Глаза Короля Рыцарей сузились, явно напуганные великолепием ее дизайна. "Ты планируешь попытаться вытащить Калибурна?"

"Я попытаюсь ничего не делать! Я вытащу Калибурна!"

"Как?" - спросил отец. "Мордред, ты планируешь изменить судьбу?"

"Я сама творю свою судьбу!" - бросила она вызов, и решительная ухмылка расплзлась по ее лицу.

"Но мы не можем изменить то, что уже произошло", - сказал отец. "Прошлое есть прошлое, Мордред. Мы можем двигаться только вперед".

Мордред ухмыльнулась, как акула на охоте. Она двигалась вперед. Вперед, к своему законному месту. Она должна была претендовать на трон Камелота, и Меч Отбора был единственным путем, который могла выбрать такая достойная преемница, как она.

И она докажет это, еще раз продемонстрировав, что она была единственным рыцарем, превзошедшим своего отца, идеального короля!

Конечно, она не знала, кем она была, если бы превзошла совершенство, но это был вопрос для философов. Она была воином.

Кларент сверкнула молнией, и она бросилась вперед с силой Выброса Праны, ее меч был поднят для тяжелого удара сверху. Ее отец просто вздохнул и поднял Экскалибур, холодно остановив атаку.

Мордред ухмыльнулся. Точно так, как планировалось. Она была не настолько глупа, чтобы думать, что сможет превзойти своего отца в технике. С точки зрения мастерства владения мечом никто не превзошел короля Артура (что бы ни утверждали некоторые предатели). Однако ее главной силой были не витиеватые ответные удары, а безжалостный прагматизм.

Она убрала одну руку с рукояти своего меча и сжала ее в кулак. Заряженная силой бушующей бури, она выбросила руку вперед, чтобы ударить своего отца по лицу. Этим она застанет Короля рыцарей врасплох и возьмет под контроль ход боя.

Или, по крайней мере, таков был план до того, как призрачное изображение хорошо знакомых ножен материализовалось прямо перед ее целью. Глаза Мордреда едва успели расшириться, прежде чем ее кулак ударил по призрачным ножнам. Даже сквозь ее броню его рука пульсировала от боли, как будто она пыталась выбить кусок прочной стали.

Тем не менее, она прекрасно знала, что у нее не было времени, чтобы терять его. Она мгновенно выпустила еще один поток Праны через свои мышцы и отступила так быстро, как только могли нести ее ноги. Даже тогда она едва не оказалась недостаточно быстрой, когда Экскалибур пронесся вниз во вспышке чудесного золота.

Передняя часть брони Мордреда была разрублена на две половины и взорвалась; нетронутая сталь была полностью разорвана Мечом Обещанной Победы. Стремительный ветер, вызванный ударом, обрушился на Рыцаря Предательства, сильный кровавый кашель вырвался у нее изо рта, когда она упала на землю.

Отец вздохнул, призрачные ножны исчезли в воздухе. "Похоже, битва действительно является нашим единственным выходом. Чего бы это ни стоило, я сожалею о том, во что я тебя превратил".

Мордред, пошатываясь, опустился на колени, тяжело дыша и опираясь на Кларента, как на трость. Ее глаза сузились, когда она оценила новую информацию.

Отец каким-то образом вновь завладел Авалоном. Авалон, который обеспечивал ей пассивную неограниченную регенерацию повсюду, кроме ее мозга. Авалон, который мог защитить ее от любого вреда, если бы она сосредоточилась и стояла спокойно. Внезапное похищение Авалона из Камелота стало важным фактором в том, что Камланн не стал полным провалом для мятежных сил.

Мордред сражалась в манере, которую некоторые могли бы назвать безрассудной, но она не была глупой. Она полностью осознавала, в каком невыгодном положении оказалась. Ее поставили на колени, в то время как на отце не было даже царапины.

Но она не могла отступить, не от этой битвы. Каким бы мрачным это ни было, это была возможность, подарок небес. Долгое время она утверждала, что является единственным рыцарем, который когда-либо превзошел ее отца, и, лишив его жизни, это утверждение было обоснованным. Но у нее никогда не было возможности встретиться с ним лицом к лицу на его вершине, со всем его драгоценным оружием и магией.

Она встретится лицом к лицу с Королем рыцарей, идеальным королем в его лучшем проявлении, и она победит его, Авалон и все остальное. И тогда никто не сможет отрицать ее ценности. Было почти обидно, что этот бой произошел так скоро, а не как финальная дуэль за грааль. Это стало бы великолепным завершающим моментом, прежде чем она заявила о своем желании.

Как бы то ни было, битва послужила бы прекрасным испытанием на полпути к этой войне. И как ведущая актриса, она пробилась бы до конца и заявила о победе, независимо от того, какие шансы были против нее.

В конце концов, разве не это сделал герой.

ФАТАЛЬНАЯ СУДЬБА

Широ Амакуса не был знаком с героем, в которого превратился Широ Эмия, но он уже знал, что это был Слуга, с которым нельзя шутить.

"О?" - нараспев произнес апокрифический святой. "Ты знаешь мое истинное имя с первого взгляда? Может ли эта новая форма, которую ты принял, быть формой третьего Правителя?"

"... Я на самом деле не уверен, подходит ли он как Правитель или нет. У него нет желания заполучить грааль — это к делу не относится", - пробормотал Эмия. Он снова уставился на Амакусу. "Ты тот самый. Причина, по которой была вызвана Рулер, причина, по которой она не смогла должным образом проявиться. Тот, кто послал Карну убить ее".

Амакуса опустил голову. "Я признаюсь. Это был я".

"Почему?" Требовательно спросил Эмия. "Почему ты подвергаешь риску невинных людей, убивая модератора?"

"Почему он не должен?" - заявил новый голос.

Амакуса заметил, как глаза Эмии незаметно скользнули по новому оратору, его громкий голос, неподходящий для отчаяния опустошенного поля боя, но достаточно громкий, чтобы его было слышно на фоне грохочущей резни, происходящей поблизости. Священнику даже не нужно было смотреть, чтобы понять, что драматург кланяется.

"Заклинатель Красного, Уильям Шекспир, к вашим услугам", - объявил яркий автор. "Но, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Я сопровождал своего учителя сюда не с намерением сражаться. Я всего лишь наблюдатель, хотя и тот, кто безмерно благодарен за ваше потрясающее выступление! Подумать только, что человек мог позволить Героическому Духу овладеть собой и не сгореть в процессе! Просто великолепно!"

"Действительно, это потрясающее зрелище", - согласился Амакуса, хотя по его лицу пробежала легкая хмурость, когда Шекспир вернулся в форму духа. "Хотя, мне действительно интересно, почему ты так поступил. Какая бы случайная связь у вас ни была с этим Слугой, она не позволит вам поддерживать эту форму дольше нескольких минут, и я не могу представить последствия менее мучительными. Зачем тебе подвергать опасности чистоту своего собственного существования? Если только..."

Он вспомнил своего брата, пустоту Кирея, которая вынудила его попытаться покончить с собой. И как подобное отклонение закипало в мальчике, которого он встретил в тот день в церкви Сигишоары. В героя, который стоял сейчас перед ним, это была зияющая рана.

"Возможно, ты чувствовал, что твое существо уже испорчено", - закончила Амакуса, выражение ее лица стало гораздо более сочувственным. "Я думаю, что знаю способ помочь с этим".

Эмия нахмурился. "Я не знаю, о чем, по-твоему, ты говоришь, но мне придется отказаться".

"Вы уверены? Я был бы более чем готов обсудить союз между нашими двумя фракциями. Я не знаю, почему Калейдоскоп прислал тебя, но я уверен, что мы сможем прийти к какому-то соглашению, которое удовлетворит всех нас. Я даже подготовил подарок, который может вас заинтересовать".

"Как ты узнал о Зел..." Замешательство Эмии сменилось стальным взглядом. "Я только что подтвердил это, не так ли?"

"Я уже был довольно уверен. Это была в лучшем случае формальность", - заверил его священник. "Что касается моего предложения?"

"Ты можешь спросить Тосаку, выживешь ли ты в этом, но я бы не стал тебя обнадеживать. У нас не самая лучшая история со слугами, выступающими в роли хозяев".

"Жаль. Что ж, если ты в любой момент передумаешь, не стесняйся высказываться —"

Амакуса даже не закончил говорить, как бросился в сторону, и шквал изящных мечей уничтожил землю, на которой он стоял мгновение назад. Эмия не просто так разговаривал с ним. Он воспользовался тем, что отвлекся, чтобы незаметно вызвать еще больше оружия, которое он направил против Аталанты, заставив его зависнуть в воздухе, а затем полететь вниз, чтобы пронзить своего врага. Это могло бы даже сработать, если бы святой не был прекрасно осведомлен о том, что его противник был отпрыском Убийцы Магов. Он ожидал такой коварной стратегии и никогда не ослаблял бдительности.

Тем не менее, он уже мог видеть множество парящих мечей, материализующихся над Эмией, каждый из которых имеет совершенно уникальный дизайн и излучает мистическую пронцаемость. Возможно, они были просто проекциями какой-то продвинутой формы выпускного эфира, но почему-то Амакуса не сомневался, что проявления перед ним несли в себе всю силу подлинных Благородных фантазмов. Такая вещь должна была быть нелепой. Благородный Фантазм был воплощением легенды о Героическом Духе, уникальном существовании с самого расцвета человечества. Не должно было быть возможности так небрежно воспроизвести их.

Но также у мага не должно было быть возможности воспроизвести форму и силы Героического Духа, поэтому не адаптироваться к таким меняющимся обстоятельствам казалось плохой стратегией.

Амакуса достал из рукава несколько комплектов черных ключей, на каждой группе была написана своя молитва. "Установить!"

По его команде под каждым из клинков вспыхнули магические круги, ориентируя их именно туда, куда хотел направить священник. Несколько человек выстрелили в воздух по Эмии, но были быстро отклонены его ручными мечами, в то время как его воздушный залп пришелся по его врагу. К счастью, священник приказал подавляющему большинству своего оружия вживиться в грязь, и вспышка магии превратила его в массивный частокот из священной стали.

Конечно, бомбардировка Эмии без особого труда пробила защиту, никакой современный мистицизм не смог бы противостоять истории Благородных фантазмов, но черные клавиши действительно задержали шквал на самую короткую долю секунды. И поскольку Амакуса был Слугой, это было все время, которое ему понадобилось, чтобы сбежать, отразив тех немногих, кто все еще был близок к этому, с его Миике Тентой Мицуме.

В мгновение ока священник оказался на расстоянии удара Эмии, его изогнутый меч метнулся к горлу неизвестного Слуги. Однако, как и ожидалось, черно-белые клинки его противника ловко поднялись, чтобы отвести удар.

Двое седовласых мужчин начали жестокую дуэль, сталь звенела, когда их оружие сталкивалось, как размытые цветные пятна. У Амакусы возникло ощущение, что он был быстрее своего противника, но другой воин компенсировал это техникой. В то время как священник был совершенным фехтовальщиком, человек, с которым он столкнулся, был ... не ученым, но посвященным. Святой сталкивался со многими одаренными самураями в своей жизни, и он мог сказать, что Слуга перед ним не обладал даже частью их природного таланта.

И все же талант - это способность, которой человек был наделен, когда они взялись за дисциплину, признак высот, которых они могли достичь. Умение было тем, во что они превратили эту способность, и у его нынешнего врага этого было в избытке.

Он не был стихийной силой на поле боя, как Карна или Ахиллес. Но каждый удар был отработан, каждое парирование эффективно. Эмия не мог использовать свои снаряды, не рискуя попасть в себя, но когда его серо-стальные глаза сосредоточенно сузились, а клинки выдержали все атаки, Амакуса начал верить, что они ему не понадобятся. Это не был легендарный фехтовальщик, но это был фехтовальщик, который мог противостоять им, и это, в свою очередь, сделало его собственным мифом.

Если их поединок продолжится так, как он был, трансформация Эмии, скорее всего,

закончится до того, как кто-либо из них заявит о победе. И хотя это, в свою очередь, скорее всего, привело бы к победе в битве за Красного Мастера, Амакуса почувствовал мерзкий привкус во рту при мысли о победе над своим противником таким способом. Это не должно было иметь значения, его цель была слишком важна, чтобы колебаться, он совершал любые злые поступки, которые были необходимы, если они были последними, которые когда-либо совершит человеческая душа.

Тем не менее, он чувствовал, что не был бы удовлетворен таким отходом ко сну. Возможно, это была пустота внутри него, так похожего на Кирея, но так странно отличающегося, но Амакуса чувствовал, что ему нужно победить Широ Эмию. Что-то внутри него, какой-то идеал, который он хранил в своем сердце, требовал, чтобы он действовал.

И так он и сделал. Он подключился к Благородному Фантому, который позволил ему творить чудеса в жизни, через его Всемогущий Ключ он получил доступ к дару, который он приготовил для Эмии. Как иронично, что это стало бы его гибелью.

Его скорость, которая раньше делала его размытым для человеческого глаза, ускорила еще больше, сделав его размытым даже для его собратьев-героев. Он нанес удар сверху, который Эмия поднял меч, чтобы заблокировать, только для того, чтобы внезапно отскочить и нанести ответный удар в грудь своего противника. Глаза темнокожего Слуги едва успели расшириться, когда он отшатнулся назад, его клинки, какими бы короткими они ни были, были плохо расположены для отражения удара.

Конечно, это перестало быть проблемой, когда мечи исчезли из его рук в клубах бирюзового света, быстро замененные гораздо более специализированным оружием.

Сай, трехконечные кинжалы, созданные для борьбы с легкими длинными мечами, вспыхнули в его руках, перекрестившись перед ним и поймав Миикэ Тенту Мицуе в середине удара. Амакуса немедленно отступил, как раз в тот момент, когда Эмия повернул ножи, чтобы поймать его клинок.

Это был отличный стратегический ход со стороны ложного слуги. Амакуса видел не одного ниндзя, владеющего саем в жизни. Они были специально созданы, чтобы противостоять катане самурая. Хотя их меньший размер несколько облегчал их использование, их трехконечная конструкция могла переламывать мечи пополам, если они попадали лезвиями между их краями. Это был естественный выбор для борьбы с оружием священника, и Эмия придумал, как призвать его менее чем за долю секунды. Невероятно.

К сожалению, Амакуса был потрясен восхищением способностями своего противника, когда его левая рука взорвалась болью. Его взгляд метнулся вниз только для того, чтобы заметить сеть бирюзовых линий, вспыхивающих на его руке. Несколько контуров пульсировали изумрудным цветом, прана внутри них текла неправильно.

"Недостаточно времени", - отметил про себя Широ. "У него не было достаточно времени, чтобы полностью интегрироваться с моим телом, и у меня не было достаточно времени, чтобы попрактиковаться с ним".

Действительно, внутренняя сила перетекла в остальные части его тела, превратив то, что должно было быть коротким отступлением для подготовки нового удара, в полное отступление. Теперь Амакуса вернулся на прежнее расстояние, на котором он был от Эмии, и факт, который оба мужчины полностью осознавали, не благоприятствовал священнику.

Ложный Слуга сузил глаза, и над ним возникла дюжина клинков. Амакуса нахмурился,

сосредоточив все, что мог, на контроле новой силы внутри себя. Она понадобится ему, чтобы пережить этот шквал—

"Мастер!"

Глаза Амакусы расширились, когда голос Семирамиды прозвучал в его голове. Его контроль над новым магическим искусством ослаб, хотя, к счастью, это влиvalo в него больше силы, а не меньше. Обстрел Эмии полыхнул в его сторону, но его тело ускорилоь быстрее, чем мог выдержать даже поток стали, уносясь еще дальше от другого Слуги.

Священник упал на одно колено, схватившись за левую руку, когда она замерла, пульсируя в агонии. Однако он мгновенно заставил себя подняться, уклоняясь от очередного раунда мечей.

"Да, Ассасин? Я довольно занят. Это может подождать..."

"Правитель приближается к вашей позиции! Я не могу остановить ее!"

Амакуса нахмурился. Нет, это не могло ждать. Если бы Рулер загнала его в угол до того, как у него в руках оказался Великий Грааль, она узнала бы его личность с помощью своего Распознавания истинного имени и сосредоточила все силы, которые могла, на его подавлении. Он не мог позволить ей загнать себя в угол, пока не будет готов. Или позволить ей узнать его истинное имя.

На вершине теперь уже далекого холма он увидел, как Эмия заменил свой сай луком, приготовив другой клинок в качестве стрелы. При обычных обстоятельствах он бы с удовольствием завершил свой поединок со странным магом проекции. Но так или иначе, он не мог рисковать. Нет, если бы он хотел создать мир, в котором никто не плакал.

"Мои извинения, Широ Эмия. Кажется, я должен тебя покинуть", - крикнул он, поворачиваясь спиной. "Заклинатель! Сцена твоя!"

"Держись!" Эмия закричал, его стрела с треском вытянулась во всю длину. "Мы не закончили—"

"О, но я боюсь, что это так, мой хороший невозможный человек! Растягивание сцены дольше, чем необходимо, действительно является признаком плохой работы ", - провозгласил Шекспир, появляясь позади лжеслуги, его книга в кожаном переплете была открыта, как только он вышел из формы духа.

Эмия развернулся, но навык самосохранения Кастера уберегал его от вреда до тех пор, пока он не вступал с врагом в бой. И благородный фантазм писателя нельзя было по-настоящему назвать боевым. Страницы его книги уже разлетались, кружась вокруг лжеслуги, пока его не поглотил бумажный тайфун.

"Но не бойся! Ибо занавес поднимается перед новым актом!" Шекспир ликовал, на его веселом лице играла безумная ухмылка. "Весь мир - сцена, а ты мой игрок!"

Амакуса не упустил возможности, которую дал ему его союзник. Он подчинил свою новую магию своей воле и унесся в ночь, летающий скелет-воин уже спускался, чтобы вернуть его в Висячие сады, его противник был пойман в ловушку собственного разума.

Со своего места в воздухе он заметил характерное синее пятно Жанны Д'Арк, мчащейся по полю боя. Если бы он задержался еще на мгновение, даже для того, чтобы убить Эмию лично,

она прибыла бы на поле боя вовремя, чтобы увидеть его.

Тем не менее, магу фракции Барвинок нельзя было позволить жить.

"Убийца, как только Кастер уберется с дороги, обстреляй позицию Эмии".

ФАТАЛЬНАЯ СУДЬБА

Как только он увидел титанические механизмы и покрытое сажей небо, не говоря уже о бесконечном поле мечей, Широ точно понял, где он находится. Чего он не знал, что, как, черт возьми, он туда попал? Он не осмелился попытаться призвать свой Шарик реальности (Arch Reality Marble) против Амакусы, священник двигался слишком быстро, быстрее, чем он должен был быть способен, быстрее, чем любой Слуга, которого когда-либо видел маг меча. Если бы он хоть на мгновение помедлил, вызывая своего сая...

Несмотря на это, в его руках теперь не было лука и стрел. И беглый взгляд вниз подтвердил, что его кожа снова стала его естественного светлого оттенка, бронежилет Арчера и малиновая мантия заменены его собственным повседневным костюмом. Тем не менее, он все еще мог чувствовать, как его трансформация истощает его магическую энергию, сила драгоценных камней Рин истощается с той же скоростью.

Так почему же он был похож на себя? Или, по крайней мере, на него нынешнего? И какое отношение к этому имел Caster of Red?

Он попытался призвать Каншоу и Бакую в свои руки, но обнаружил, что что-то блокирует его магические способности, и это был неприятный опыт, если он когда-либо испытывал что-то подобное. Он осмотрел пустынную равнину оружия, вспышки солнечного света пробивались сквозь небосвод из пепла и сажки. Вскоре он заметил знакомую высокую фигуру, стоящую на вершине холма мечей.

"Арчер?" Позвал Широ, осторожно поднимаясь по склону. "Что происходит? Это часть нашей связи —"

Дюжина клинков, мечей, копий и раздробленных дротиков выросла из спины Арчера. Встречный Страж упал на колени, из его плоти хлынул поток крови.

"Арчер!" Крикнул Широ, взбегая на холм.

Он обошел вокруг себя из будущего, и с его губ стекала струйка крови. На нем не было савана, он был одет только в черную броню, его серебристые волосы были взъерошены, а не зачесаны назад, его стальные глаза безучастно смотрели вдаль.

"В конце концов, помогать людям бесполезно. Это фальшивая жизнь, которая не может спасти ни тебя, ни других", - пробормотал Арчер. "В конце концов, идеал - это всего лишь идеал. Пока вы придерживаетесь этого идеала, трения с реальностью будут продолжать возрастать. Так что однажды вы столкнетесь с реальностью и вам придется заплатить цену за свои компромиссы".

Глаза Широ сузились. Он отвернулся от Арчера и уставился в дым. "Ты писатель, не так ли, Кастер? Вам следует знать лучше, чем красть чужие слова. Особенно тому, кто слушал оригинал".

"О, наоборот, мой невозможный человек", - раздался веселый голос. "Лучший из авторов знает, что один из величайших инструментов в его распоряжении - это его коллеги. Или, в данном

случае, мир вокруг вас."

Широ обернулся и увидел величайшего драматурга в истории, опирающегося на свое умирающее альтернативное "я", как на барную стойку, с самодовольной ухмылкой на лице.

"Кроме того", - сказал он. "Должен ли тот, само существование которого построено на заимствованном идеале, действительно критиковать за плагиат?"

Маг меч бесстрастно уставился на англичанина, хотя внутри он уже пытался понять, как его враг узнал о нем такую специфическую деталь. "Что происходит? Это какая-то иллюзия?"

"Иллюзия? Прогони мысль!" Шекспир воздел руки к небу и закружился, как будто он был на карнавале. "Это величайшая из всех иллюзий! Моя чудесная сцена, на которой затмеваются даже самые потрясающие истории во всех мифах и легендах!"

"Так это твой Благородный Фантазм?"

Драматург немедленно сдулся, покачав головой, как будто Широ только что лопнул его любимый воздушный шарик. "Обязательно относиться к этому так буднично, мой хороший?"

"У меня был учитель английского в качестве опекуна. Поверьте мне, вашим пьесам не помешало бы немного меньше приукрашивать".

"О, так ты читал мою работу? Превосходно! Всегда приятно знать, что твой враг - человек с хорошим вкусом".

Широ не чувствовал, что ему нужно отвечать на это. Он чувствовал, что его невеселого взгляда было достаточно.

"И что теперь?" спросил он. "Я не могу причинить тебе такую боль. И если бы мне можно было причинить вред, твой учитель уже нанес бы удар настоящему мне".

Шекспир ухмыльнулся. "Весьма проникательно, мой невозможный мужчина! Насилие в театре было бы поистине прискорбным. Итак, пока вы находитесь в моем Первом фолио, вам нужно только расслабиться и наслаждаться шоу!"

Широ усмехнулся, его глаза сузились при виде умирающего Арчера. "Ты называешь это шоу? Мое альтернативное "я" умирает и отчитывает меня за желание спасти всех? Извините, но я прошел через настоящую сделку. Это даже не стоит стоимости входного билета".

"Но, конечно, нет! Какой шарлатан потребует полную цену только за пролог?" Шекспир усмехнулся, проводя рукой по растрепанным волосам Арчера, которые были так похожи на апельсин самого Широ. "Но точно так же, как припев должен привлечь внимание аудитории к славному походу Генриха Пятого по Франции, так и в этой постановке должно быть задано настроение. И кто лучше сделает это, чем Героический Дух ЭМИЯ?"

Глаза Широ расширились. Он подозревал раньше, но теперь... "Откуда ты знаешь его имя?"

"Как? Почему, потому что ты это делаешь", - ответил драматург с безумным блеском в глазах. "Возможно, мне следовало упомянуть. Твои воспоминания послужат исходным материалом для этой постановки. И какие это воспоминания!"

Шекспир отступил назад и обвинил руками Арчера. "Я назвал тебя невозможным человеком за

то, что ты перенес величие Героического Духа в свою собственную форму, но это естественно только для такого, как ты! Машина человека, полностью посвятившего себя спасению всех, кто находится перед ним, хотя бы потому, что ничто другое не может принести ему столь желанного душевного удовлетворения!"

"Спасать людей, потому что ты этого хочешь... это верх высокомерия", - прошептал Арчер. "Гоняться за невозможным идеалом ... идеалом, который предаст тебя ..."

"И даже если бы этого не произошло, что бы ты сделал, когда бы выполнил это?" Спросил Шекспир. "О, вы с моим учителем так хорошо ладили бы!"

Широ усмехнулся. "Он пытался убить Рулера, что поставило под угрозу жизни невинных людей".

"Действительно, он пожертвовал бы немногими, чтобы спасти многих", - согласился Заклинатель Красного, кладя руки на плечи Арчера. "Но когда выбор стоит между одной жизнью и спасением всего человечества, какой Встречный Страж не принял бы такого решения, даже ценой святой девы и нескольких нарушенных правил?"

"Твой учитель не Контрохранитель", - отметил Широ. "И я тоже. Не думай, что я не вижу, что ты делаешь".

"О? Вы уже ознакомились с темами этой работы?"

"Ты пытаешься вызвать у меня симпатию к Амакусе, убедить меня перейти на его сторону и уговорить Рин и Сэйбер сделать то же самое", - заявил он, свирепо глядя на драматурга. "Это не сработает. Неважно, сколько ты говоришь о спасении или о том, что он на самом деле планирует".

На мгновение Шекспир посмотрел на Широ так, как будто тот сошел с ума. Затем англичанин откинул голову назад и расхохотался.

"Что-то смешное?" - Спросил Широ.

"Хохохoho, прости меня, мой невозможный человек. Актеру не подобает смеяться над своими товарищами во время представления, но ваш комедийный момент просто великолепен!" - заявил писатель, подавив смешки. "Присоединиться к моему учителю? Прогони эту мысль! Это была бы ужасно запутанная история, если бы ты это сделал".

"Эм, хорошо", - сказал Широ. "Рад, что мы прояснили это".

Его мысли проносились со скоростью мили в минуту. Он предположил, что, как только драматург начал цитировать выговоры Арчера и говорить о том, насколько похожи Counter Guardian и Амакуса, его ждет очередной раунд попыток убедить его отказаться от своей мечты и просто соглашаться с тем, что они делают. Но если это не было целью Шекспира здесь, то что? Действительно ли это было просто тщательно продуманным отвлекающим маневром, чтобы позволить его хозяину сбежать?

Нет. Возможно, Широ не слишком много знал о драматурге, но Тайга заставила его прочитать достаточно его работ, чтобы понять, что с ним никогда не было так просто. "Отелло" был не просто сюжетом о мести; это был комментарий к пагубному воздействию расизма и сексизма на отдельных людей и общество в целом. "Ромео и Джульетта" - это не просто история несчастных влюбленных, это анализ опасностей, связанных с обожествлением любви и тем,

что не позволяет молодежи исследовать подлинные связи. Встретившись с самим человеком, маг меча мог с уверенностью сказать, что он, вполне возможно, сумасшедший, маниакальный торнадо, скрытый под маской джентльменского хаоса. Он был обманщиком с точностью хирурга, ребенком, отрывающим крылья мухе не из злого умысла, а чтобы посмотреть, как она улетит прочь.

Что вызвало вопрос, если причиной, по которой Амакуса отправил писателя, было то, что он отвлекал его, то какова была причина, по которой Шекспир разговаривал с ним?

"А теперь, продолжайте шоу!" Заклинатель Красного зааплодировал. "Ложный герой, выкованный ложными идеалами и противопоставленный ложному святому! Меч, ставший неограниченным из-за их пределов! Сейчас мы увидим клинок, выкованный из трупа!"

Он хлопнул в ладоши, и голова Арчера поднялась, как у марионетки на веревочке. Встречный Страж поднял руки, и в его хватке возникла пара факелов.

Пламя взметнулось, и внезапно видение Широ поглотил огонь.

ФАТАЛЬНАЯ СУДЬБА

"Осторожно, осторожно. Сестра, пожалуйста, будь осторожна —"

"Я стараюсь быть настолько осторожным, насколько это возможно, Коулз! А ты не помогаешь!"

Коулз съехался и отступил от своей сестры. После того, как внимание Красного Меча отвлекли другие Слуги, он воспользовался возможностью и использовал Командную печать, чтобы телепортировать Франкенштейна обратно в его местоположение. К счастью, одним из преимуществ быть Слугой или, что более вероятно, полумехаником, было то, что такая мелочь, как рассеченная надвое грудная клетка, особенно правое плечо, свисающее с живота, позволяла намного больше выжить, чем это было бы для обычного человека.

Теперь его Берсеркер лежал на его кровати, в то время как его сестра соединяла два куска своей плоти и провода вместе, ее руки горели бирюзовой исцеляющей магией. Франкенштейн стиснула зубы, пока ее тело медленно восстанавливалось, но, учитывая, как она была создана с помощью гораздо более расширенной, но грубой версии того же процесса, неудивительно, что она оставалась тихой. Хотя Коулз сомневался, что сама проводка ремонтировалась. Фиоре была талантлива, но у нее не было способностей к технологиям.

"Должен ли я использовать Командную печать?" спросил он. "Это могло бы ее вылечить, верно? Эрг! Почему я просто не сделал этого вместо того, чтобы перевозить ее сюда?!"

"Даже если бы ты это сделал, что еще она могла там сделать?" Фиоре бросил ему вызов.

"Между Красной Саблей, синей Саблей, черной Саблей Спартак делает... что бы он ни делал, что еще она могла сделать, не попав под перекрестный огонь?"

Франкенштейн зарычал на свою сестру. Фиоре съехался.

"Нет, я не говорю, что ты слабый, но... ну что ж... просто посмотри на Райдера!"

Коулз взглянул на экран. Действительно, Черный Всадник пытался помочь Зигфриду убить ... другого Зигфрида? Что? Они едва ли отвели взгляд на минуту, чтобы понаблюдать за Франкенштейном, как много они пропустили?!

Независимо от того, то ли из-за его собственных недостающих параметров, то ли потому, что он на самом деле не хотел убивать их цель, Астольфо, казалось, больше мешал Saber of Black, чем помогал. Каждый раз, когда его копье нацеливалось на врага, он вставал на пути удара своего союзника, вынуждая его отказаться от атаки или нанести гораздо более предсказуемый удар.

Коулз вздохнул, но он понял суть. Судя по тому, как второй Зигфрид боролся, чтобы выжить в текущем затрудненном нападении, присутствие Франкенштейна на поле боя в данный момент было бы просто помехой. Ее величайшей силой была ее выносливость, ее способность перерабатывать магическую энергию и сражаться почти бесконечно, но от этого было мало толку в битве с противниками, превосходящими ее по силе и мастерству.

Ну, может быть, не мастерство, второму Зигфриду, казалось, было неудобно держать свой огромный клинок, за исключением нескольких коротких выпадов завораживающего фехтования, которое Каулз не мог выразить словами, но, тем не менее, признал первоклассным. Тем не менее, если бы у него была Броня Фафнира, удары Франкенштейна все равно не смогли бы пробить его защиту. Нет, сейчас лучше всего было бы дать ей заслуженный отдых.

Берсеркер зарычал, но она посмотрела в сторону, все еще недовольная. Коулз подошел к противоположной стороне от своей сестры и сжал ее руку в своей.

"Не волнуйся. Ты сделала невероятное", - заверил ее Каулз. "Без тебя Астольфо был бы расплюсчен полдюжины раз".

"Эрг", - прорычал Франкенштейн.

"Нет, это было бы не лучшим решением. Он может быть ... возбудимым, но он все еще наш союзник".

"Руг".

"Послушай, в худшем случае, мы можем использовать его как мясной щит".

"Не могли бы вы двое позже унижить нашего союзника?" Спросил Фиоре. "Делать это достаточно сложно, когда в моей голове разглагольствует Спартак. Добавление вас, ребята, к этому делу ничуть ... не облегчает".

Коулз приподнял бровь, когда его сестра внезапно замолчала, пока он не увидел, что привлекло ее внимание. В воздухе светилась единственная синяя руна, которую Дарник вбивал им в голову целую вечность. В замок пробрался незванный гость.

Фиоре взмахнула рукой, и фамильяры Заклинателя вызвали в воздухе еще один обзорный экран. На картинке была изображена Рин Тосака, марширующая по залам Цитадели Тысячелетий, женщина-гомункулус, которую она исцелила на поле боя рядом с ней. Когда гомункулы-гвардейцы увидели их, они не атаковали, как были запрограммированы. Вместо этого они опустили оружие, и их двойник заговорил. Через несколько мгновений они пристроились за ней и начали маршировать к подвалу.

Это было более чем немного тревожно, но гораздо больше беспокоило то, что Тосака шла по точному маршруту к Великому Граалю.

"Она использует гомункулов как отвлекающий маневр", - пробормотал Фиоре. "Она

отправляется за граалем".

Она схватила руки Каулза и прижала их туда, где раньше были ее руки, сжимая грудь Фрэн и испорченное свадебное платье вместе. Ее обнаженная грудь!

"Сестра!"

"Я закончила заживлять большую часть раны. Тебе просто нужно поддерживать ее в стабильном состоянии, пока ее естественный лечебный фактор не вступит во владение. В конце концов, она Слуга", - сказала Фиоре, направляясь к двери. "Дядя Горд и Селенике уже движутся к Тосаке. Я поддержу их".

Глаза Каулза расширились. В последний раз, когда его сестра сражалась с вражеским мастером, она потеряла своего Слугу и не рассталась с жизнью только благодаря вмешательству Широ Эмии. Он сомневался, что маг меча будет столь же милосердна, когда она противостоит его учителю. В любом случае, у него не было желания выяснять, насколько далеко простирается сострадание владельца Мрамора Реальности.

"А как же Дарник?" - спросил он, ища любой предлог, чтобы уберечь ее от опасности. "Разве он не может забрать ее?"

"Он не покинет Комнату Грааля", - сказала Фиоре, заряжая свои манипуляторы Бронзовой связи. "И если она доберется туда, либо она убьет его, либо он убьет ее. И он не будет рад, что мы позволили ей добраться до него".

Коулз съежился. Да, это было бы неприятно. Дарнику уже не слишком нравился ни один из них. Если они снова разочаруют его, неизвестно, выживут ли они после столкновения.

Но есть и другой вариант... Лансер отомстил бы, если бы он или Берсеркер убили Дарника, но если это сделала Тосака... просто еще одна жертва войны. И поскольку Цепеш все еще желал Грааля, гомункулы взбунтовались, и не было никакого способа, которым Спартак собирался пережить ночь с тем, как он в панике натыкался на постоянные обстрелы Красного Лучника, во фракции Черных действительно был бы только один маг, способный обеспечить его потребности в пране.

Фиоре выкатилась из комнаты с выражением решимости и долга на лице. Тосака могла бы стать для них огромным подспорьем, но битва все равно остается битвой. Ему нужен был бы способ гарантировать, что он сможет помешать другому магу убить его сестру.

И поскольку у него были мистические боевые навыки слабого ветра, это означало, что ему нужно было исцелить Берсеркера. Так или иначе, кто-то должен был умереть сегодня ночью. Если бы он правильно разыграл свои карты, он мог бы просто помешать Фиоре стать таким человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/96483/3300217>